

Колес. и правая, 1972,
13 сент.

На соискание Государственной премии СССР

Верный друг и поэт настоящий...

БЕЛЫЙ лист бумаги...
Сколько истинных слово-
творцев он заставлял трепе-
тать в тот миг, когда они бра-
ли перо! Это — чувство от-
ветственности поэта перед
словом, ибо слово, как пулю,
нельзя повернуть вспять.

Вот и Мустай Карим в сти-
хотворении «Я белый лист
кладу перед собой», обращаясь
к собственной руке, сжимаю-
щей карандаш, заклинает ее:
не торопись!

Даже в ранних стихах поэта
присутствовал душевный тре-
пет перед словом, выдержка
ловчего, собирающегося бро-
сить в полет беркута, чтоб
вернулся он с красной добы-
чей. А потом придет зрелость
лет и зрелость мастерства. И
лягут на бумагу исполненные
не гордыни, а величавого до-
стоинства слова откровения:

К плодам, не срывать мне
которых отныне,
В слепом искушении рук
не тяну.

Удачливый всадник
промчится к вершине,
Без зависти тайной
вослед я взгляну.

Годами не стар
и летами не молод,
Достоин я возраста
наверняка:

И в меру мой пламень,
и в меру мой холод,
Слеза в самый раз
и сладка и горька.

Имя Мустая Карима возни-
кает в моем сердце не только,
когда говорят о вольных сте-
пях Башкирии, но и когда го-
ворят о настоящей поэзии.
Говорят о его новой книге
«Годам вослед».

Я люблю его, как поэта и
человека. Он безраздельно
един в этих двух высоких
ипостасях.

С юных лет на протяжении
всей нашей жизни нам особен-
но близки бывают те поэты, в
чьих стихах вчуждены личные
биографии, как насечка в до-
рогое оружие. Гармония стиха
и человеческой сути создает
образ поэта. Личина не может
заменить лица, поза не заме-
нит позиции.

За годы войны у Мустая Ка-
рима вышло три книги стихов.
Три книги мужества. Пулевое
ранение в грудь оборачивается
после войны грозным недугом.
На помощь Мустаю Кариму
приходит выдающийся хирург
Лев Константинович Богуш.
Он спасает поэту жизнь. Прий-
ти на помощь — это в харак-
тере и самого Мустая Карима.
Много совершил он добрых
дел, многим людям помог.

Мы ценим Мустаю Карима
за то, что его стихи приобша-
ют к раздумьям, к соучастию
в милосердии, призывают к ду-
шевной памяти.

Подлинность чувства, зна-
ние жизни, достоверность об-
разного художественного ото-
бражения мира свойственны
его поэзии. Поэтому она заво-
евала такое широкое призна-
ние. В своих драматических
произведениях Мустай Карим
любуется сильными духом
людьми, благородными, храб-
рыми, неподкупными. Вспом-
ните его трагедию «В ночь
лунного затмения». В ней есть
образ поэта. Он молод и стоек
в убеждениях. Его разлучают
с любимой. Разлучает родная
мать — властная, умная жен-
щина. И когда девушка, стоя
на коленях, умоляет ее:

Рабынею твоею стать
готова,
Подошвами твоими,
байбисе,

Но пощади не разлучай
с любимым! —

поэт, поднимая с колен воз-
любленную, восклицает:

...Достоин быть рабой
любви и клятвы,

Но не достоин просто
быть рабой.

Однажды Расул Гамзатов
попросил меня перевести сти-
хотворение, посвященное Мус-
таю Кариму. Прочитав это сти-
хотворение, я понял, что Ра-
сул выразил в нем те чувства
и мысли, которые охватывают
нас, когда мы читаем Мустаю
Карима, думаем или беседуем
о нем. Поэтому я и заканчи-
ваю стихотворением Расула.

МУСТАЮ КАРИМУ

Это снова снега замели,
Или, может, выдавшие
виды,
На конях белогривых
вдали
Из-за гор вылетают
мюриды.

Шапку сняв на пороге
родном,
Я стяхнул седину
непогоды.
И клубятся снега за
окном,
Словно годы, Мустай,
словно годы.

Быстро таяли календари,
И, хоть мы не менялись
для моды,
Что ты, милый мой, не
говори,
Изменили и нас эти годы.

Ошибались с тобой мы не
раз,
Ушибались, хмельны
и тверезы,
И прозревших не прятали
глаз,
Где стояли жестокие
слезы.

Помню:
на сердце камень один
Мы носили, покуда
в разлуке
Был с Кавказом
Кулиев Кайсын,
Переживший молчания
муки.

Книгу памяти перелистай,
Распахни перед
прошлым ворота.
Мы с тобой повзрослели,
Мустай,
И мельчить мы не будем,
как кто-то.

Головам нашим буйным,
седым
Дерзких помыслов
предана свита.
Мы уверенно в седлах
сидим,
Коням падавшие под
копыта.

На снегу раздуваем
костер,
Сторонимся сердец
осторожных
И не в каждый кидаемся
спор:
Слишком много их —
пустопорожних.

Любоваться собой
недосуг,
Нас зовет и торопит
дорога.
Не о славе — о слове, мой
друг,
Позаботимся нежно
и строго.

Поклоняясь любви и уму,
Дышит время высокого
лада.
Сами знаем мы, что
и к чему,
И вести нас за ручку
не надо.

То окована стужей земля,
То бурлят ее вешние воды,
Наши лучшие учителя —
Это годы, Мустай, это
годы.

Пишет нам из больницы
в письме
Боль, стихающая под
бинтами.
Грешник, кающийся
в тюрьме,
Исповедует перед нами.

Пишет пахарь и сеятель
нам,
Не уйдешь от прямого
ответа.
Годы мчатся под стать
сканунам,
Оседлала их совесть
поэта.

Скоро песни вернувшихся
станут
Зазвенят над разбуженной
чащей.
Хорошо, что ты рядом,
Мустай,
Верный друг и поэт
настоящий!

Лучше, мне кажется, не
скажешь.

Яков КОЗЛОВСКИЙ.